

Символизм.

Александр Александрович Блок.

Доклад Макаровой
Екатерины ученицы 11

Поэт-символист А.Блок

Символизм не отвергал повседневности, но стремился дознаться ее скрытого смысла. Мир и все в нем рассматривались как символ бесконечного, знаки более значительных событий, происходящих в иной реальности, как «окно в Вечность», но выражению Андрея Белого. «Я стал всему удивляться, на всем уловил печать... Я вышел в ночь — узнать, понять далекий шорох, близкий ропот» — характерные в этом смысле строки стихов Блока. Познакомившись с блоковскими стихами, «младшие символисты» восторженно объявили поэта «продолжателем Соловьева», а его книгу — программным произведением своего направления, его вершиной. В стихах Блока привлекала и формальная новизна — так называемые дольки, или паузники, «нарушающие» обычную расстановку ударений в стихе и сближающие его со свободным ритмом разговорной речи. Роль Блока в широком распространении и развитии русского тонического, ударного стиха исследователи впоследствии сравнивали с заслугами Ломоносова в утверждении силлабо-тонической системы стихосложения.

О цикле «Страшный мир»

«Страшный мир», как назван один из важнейших циклов поэта, — это не только окружающая «объективная» реальность, отобразившаяся в знаменитых стихах «На железной дороге», «Поздней осенью из гавани» и др. В лирике Блока преобладает «ландшафт» современной души, беспощадно правдивый, во многом исповедально окрашенный. Брюсов писал, что Блок «с бесстрашной искренностью черпает содержание своих стихов из глубины своей души». Сам поэт впоследствии с явным сочувствием отмечал «глубокую мысль» близкого ему писателя — Аполлона Григорьева: «Если <...> идеалы подорваны и между тем душа не в силах помириться с неправдою жизни <...>, то единственным выходом для музы поэта будет беспощадно ироническая казнь, обращающаяся и на самого себя, поколику в его собственную натуру въедасть эта неправда...»

Как тяжело мертвецу среди людей

Живым и страстным притворяться!
Но надо, надо в общество втираться,
Скрывая для карьеры лязг костей...
Живые спят. Мертвец встает из гроба,
И в банк идет, и в суд идет, в сенат...
Чем ночь белее, тем чернее злоба,
И перья торжествующе скрипят.
Мертвец весь день трудится над докладом.
Присутствие кончается. И вот —
Нашептывает он, виляя задом,
Сенатору скабресный анекдот...
Уж вечер. Мелкий дождь зашлепал грязью
Прохожих, и дома, и прочий вздор...
А мертвеца — к другому безобразью
Скрежещущий несет таксомотор.
В зал многолюдный и многоколонный
Спешит мертвец. На нем — изящный
фрак.
Его дарят улыбкой благосклонной
Хозяйка — дура и супруг — дурак.
Он изнемог от дня чиновной скуки,
Но лязг костей музыкой заглушон...
Он крепко жмет приятельские руки —
Живым, живым казаться должен он!

Лишь у колонны встретится очами
С подругою — она, как он, мертва.
За их условно-светскими речами
Ты слышишь настоящие слова:
«Усталый друг, мне странно в этом зале».
«Усталый друг, могила холодна». —
«Уж полночь». — «Да, но вы не приглашали
На вальс NN. Она в вас влюблена...»
А там — NN уж ищет взором страстным
Его, его — с волнением в крови...
В её лице, девически прекрасном,
Бессмысленный восторг живой любви...
Он шепчет ей незначащие речи,
Пленительные для живых слова,
И смотрит он, как розовеют плечи,
Как на плечо склонилась голова...
И острый яд привычно-светской злости
С нездешней злостью расточает он...
«Как он умён! Как он в меня влюблён!»
В её ушах — нездешний, странный звон:
То кости лязгают о кости.

19 февраля 1912

Есть игра: осторожно войти,
Чтоб вниманье людей усыпить;
И глазами добычу найти;
И за ней незаметно следить.
Как бы ни был нечуток и груб
Человек, за которым следят, —
Он почувствует пристальный взгляд
Хоть в углах еле дрогнувших губ.
А другой — точно сразу поймёт:
Вздрогнут плечи, рука у него;
Обернётся — и нет ничего;
Между тем — беспокойство растёт.
Тем и страшен невидимый взгляд,
Что его невозможно поймать;
Чуешь ты, но не можешь понять,
Чьи глаза за тобою следят.
Не корысть, не влюблённость, не
мечь;
Так — игра, как игра у детей;
И в собрании каждом людей
Эти тайные сыщики есть.

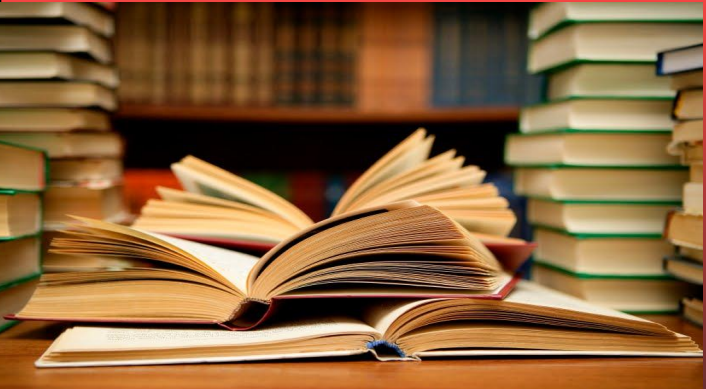

Ты и сам иногда не поймёшь,
Отчего так бывает порой,
Что собою ты к людям придёшь,
А уйдёшь от людей — не собой.
Есть дурной и хороший есть глаз,
Только лучше б ничей не следил:
Слишком много есть в каждом из
нас
Неизвестных, играющих сил...
О, тоска! Через тысячу лет
Мы не сможем измерить души:
Мы услышим полёт всех планет,
Громовые раскаты в тиши...
А пока — в неизвестном живём
И не ведаем сил мы своих,
И, как дети, играя с огнём,
Обжигаем себя и других...
18 декабря 1913

<p>А.Блок «Как тяжко мертвецу»; «Есть игра...»</p>	<p>М.Ю. Лермонтов «Как часто, пёстрою толпою окружён»</p>	<p>Схожие черты стихотворений</p>
<p>«Мертвец встает из гроба, И в банк идет, и в суд идет, в сенат... Чем ночь белее, тем чернее злота, И перья торжествующе скрипят» «Он изнемог от дня чиновной скуки, Но <u>лязг костей музыкой заглушон...</u> <u>Он крепко жмет приятельские руки</u> <u>Живым, живым казаться должен он!</u>»</p>	<p>«<u>При шуме музыки и пляски,</u> При диком шёпоте <u>затверженных речей,</u> Мелькают образы <u>бездушные людей,</u> Приличьем <u>стянутые маски...</u>»</p>	<p>«Механизм ролей и правил». Общество страшного мира, порождённое цивилизацией, безлико, так как главное правило «маскарада» - не быть собой, следуя ему, никто никогда не поднимет «маски». Читателю предстаёт образ надменных, духовно нищих людей «большого света».</p>
<p>«Стихи о Прекрасной Даме» «...И неслись опустошающее Непомерные года, <u>Словно сердце застывающее</u> <u>Закатилось навсегда</u>» («Настигнутый метелью») «Незнакомка» «И веют <u>древними поверьями</u> Её упругие шелка... <u>И вижу берег очарованный</u> <u>И очарованную даль</u>» «Есть игра...» «О, тоска! Через тысячу лет <u>Мы не сможем измерить души:</u> <u>Мы услышим полёт всех планет,</u> <u>Громовые раскаты в тиши...</u>»</p>	<p>«<u>И странная тоска теснит уж грудь мою;</u> Я думаю об ней, я плачу и люблю, <u>Люблю мечты моей созданье</u> С глазами, полными лазурного огня, С улыбкой розовой, как молодого дня За рощей <u>первое сиянье</u>» Рядом с людьми, в обществе страшного мира человек одинок, а наедине с природой, с мечтой он себя не ощущает одиноким.</p>	<p>Идеал «Вечной женственности» Блока (его воспевание), то лучезарное «Ты», к которому обращается лирический герой в минуты разочарования в жизни, присущ и лирическому герою Лермонтова. Поэт думал «о ней», плакал и любил юное «созданье с глазами, полными лазурного огня ...», но при этом Лермонтов, в отличие от Блока убежден в том, что невозможно жить одной привязанностью «к недавней старине»</p>
<p>«Ты и сам иногда не поймёшь, Отчего так бывает порой, Что собою ты к людям придёшь, А уйдёшь от людей — не собой» «Усталый друг, мне странно в этом зале». — «Усталый друг, могила холодна». — «Уж полночь». — «Да, но вы не приглашали На вальс NN. Она в вас влюблена...»</p>	<p>«Когда ж, опомнившись, обман я узнаю И шум толпы людской спугнёт мечту мою, На праздник незванную гостью»</p>	<p>Приятные мечты о прошлом являются обманом, вернее самообманом. Мечта юности о безмятежной, но наполненной искренними чувствами жизни сменяется осознанием бесплодности этой мечты, трезвым пониманием невозможности вырваться из «завистливого и душного» светского общества.</p>

Мотив игры уже встречался читателю в ранней лирике Александра Блока, так он чётко прослеживается в одном из этапов изменения облика избранницы лирического героя и в его внутреннего мира.

А. Блок «Двойник» («Вот моя песня — тебе, Коломбина»)	А.Блок «Есть игра: осторожно войти...» (элементы «Как тяжело мертвецу среди людей»)	Схожие черты стихотворений
«Двое — мы тащимся вдоль по <u>базару</u> , Оба — <u>в звенящем наряде шутов</u> »	«На нем — <u>изящный фрак</u> . Его дарят улыбкой благосклонной <u>Хозяйка — дура и супруг — дурак</u> »	Людей общества страшного мира определяет из «маска» состоящая главным образом из одежды, которая отражает чин, количество денег и положение в обществе.
«Кто, проходя, удостоит нас взора? Кто угадает, что мы с ним — вдвоем? Дряхлый старик повторяет мне: «Скоро» Я повторяю- «Пойдем же, пойдем» Если прохожий <u>глядит равнодушно</u> , <u>Он улыбается; я трепещу</u> » «О, если только заметят, заметят, <u>Взглянут в глаза мне за пестрый наряд!</u> - Может быть, рядом со мной они встретят <u>Мой же — лукавый, смеющийся взгляд!</u> »	«Как бы ни был нечуток и груб Человек, за которым следят, — <u>Он почувствует пристальный взгляд</u> <u>Хоть в углах еле дрогнувших губ.</u> А другой — точно сразу поймёт: <u>Вздрыгнут плечи, рука у него;</u> Обернётся — и нет ничего; Между тем — беспокойство растёт» « <u>Чуешь ты, но не можешь понять,</u> <u>Чьи глаза за тобою следят</u> »	Любовный сюжет стихов о Прекрасной Даме, обителью которых был храм, переносит действие «на улицу», в «страшный мир», где нет места искреннему чувству, высоким стремлением, нет места жизни души. Он и Она, теперь традиционные персонажи итальянской народной комедии масок – участники «маскарада». Отношения подразделились на два уровня: соприкосновение душ и «игра». Если первый являет собой настоящее чувство, то второй содержит лишь игру в него.
«Та, что в окне, — розовой навечерий, Та, что вверху, — ослепительней дня! Там Коломбина! О, люди! О, звери! Будьте как дети. Поймите меня »	«Слишком много есть в каждом из нас <u>Неизвестных, играющих сил...</u> » «Не корысть, не влюблённость, не месть; Так — игра, как игра у детей»	Дети – это те существа, которые пока не скрыли, светлую, вложенную Богом сущность человека, за «маской» одно из общества страшного мира. Именно поэтому они способны «обжечь» давно охладевшие души взрослых представителей, им подвластна «неизвестная сила» - это сила искреннего чувства, способность к этому чувству утрачена людьми, поэтому теперь они звери, и единственные, кто может понять лирического героя, это люди, сохранившие в себе ребёнка. Но во враждебном, грешном «страшном мире» таких людей лирический герой не встретит.
	«А пока — <u>в неизвестном живём</u> И не ведаем сил мы своих, И, <u>как дети, играя с огнём,</u> <u>Обжигаем себя и других...</u> »	

Стихотворение: «Ты твердишь, что я холоден, замкнут и

<p>Портрет лирического героя</p>	<p>Портрет сух окружающего мира</p>	<p>Статья «Интеллигенция и революция», анализ</p>
<p>Ты и сам был когда-то мрачней и смелей, По звездам прочитай ты умел, Что грядущие ночи - темней и темней, Что ночам неизвестен предел»</p> 	<p>«Вот - свершилось. <u>Весь мир одичал, и окрест Ни один не мерцает маяк.</u> <u>И тому, кто не понял вещания звезд, - Нестерпим окружающий мрак»</u></p>	<p>Истину прочесть возможно лишь по звёздам, лишь избранные могут слышать предупреждения Души мира, но их единицы, иные-«мертвецы», утратившие собственную душу, лишили себя возможности читать по звёздам – они не способны понять обречённость и безысходность положения в мире. «"Россия гибнет", "России больше нет", "вечная память России" - слышу я вокруг себя. Но передо мной - Россия: та, которую видели в утрашающих и пророческих снах наши великие писатели; тот Петербург, который видел Достоевский; та Россия, которую Гоголь назвал несущейся тройкой»</p>
<p>«<u>Было время надежды и веры большой - Был я прост и доверчив, как ты.</u> <u>Шел я к людям с открытой и детской душой.</u> Не пугаясь людской клеветы...») А теперь - тех надежд не отыщешь следа, <u>Всё к далеким звездам унеслось.</u> И к кому шел с <u>открытой душойю тогда,</u> От того отвернуться пришлось. И сама та душа, что, пылая, ждала, Треволнениям отдаться спеша, - <u>И враждой, и любовью она изощла.</u> <u>И сгорела она, та душа.</u> И остались - улыбкой сведенная бровь, Сжатый рот и печальная власть Бунтовать ненасытную женскую кровь, <u>Зажигая звериную страсть...</u></p>	<p>«Не стучись же напрасно у плотных дверей, Тщетным стоном себя не томи: <u>Ты не встретишь участия у бедных зверей,</u> <u>Называвшихся прежде людьми.</u> Ты - <u>железною маской лицо закрывай,</u> Поклоняясь <u>священным гробам,</u> Охраняя железом до времени <u>рай,</u> <u>Недоступный безумным рабам»</u></p>	<p>«Великие художники русские - Пушкин, Гоголь, Достоевский, Толстой - погружались во мрак, но они же имели силы пребывать и таиться в этом мраке: ибо они верили в свет. Они знали свет. Каждый из них, как весь народ, выносивший их под сердцем, скрежетал зубами во мраке, отчаянье, часто злобе. Но они знали, что рано или поздно все будет по-новому, потому что жизнь прекрасна. Жизнь прекрасна. Зачем жить тому народу или тому человеку, который втайне разуверился во всем? Который разочаровался в жизни, живет у нее "на подаянии", "из милости"? Который думает, что жить "не особенно плохо, но и не очень хорошо", ибо "все идет своим путем": путем... эволюционным; люди же так вообще плохи и несовершенны, что дай им только бог прокряхтеть свой век кое-как, сколачиваясь в общества и государства, ограждаясь друг от друга стенками прав и обязанностей, условных законов, условных отношений... Так думать не стоит; а тому, кто так думает, ведь и жить не стоит. Умереть легко: умирать можно безболезненно»</p>

«Жить стоит только так, чтобы предъявлять безмерные требования к жизни: все или ничего; ждать неожиданного; верить не в "то, чего нет на свете", а в то, что должно быть на свете; пусть сейчас этого нет и долго не будет. Но жизнь отдаст нам это, ибо она – прекрасна»

И сгорела она, та душа.

И остались - улыбкой сведенная бровь,
Сжатый рот и печальная власть
Бунтовать ненасытную женскую кровь,
Зажигая звериную страсть...

Александр Блок был прав: «Смертельная усталость
сменяется животной бодростью... Лжёт белый день».